

Мозговой В.И., Вергазова Л.Г. Личность филолога в иллюзативном языковом пространстве // Язык и личность в поликультурном пространстве: сборник статей [Текст]; под ред. О. С. Фисенко, Л. В. Адониной. – Москва: Рибэст, 2013. – 343 с. (Серия «Молодой филолог». Вып. 3) – С. 75-79.

ЛИЧНОСТЬ ФИЛОЛОГА В ИЛЛЮЗАТИВНОМ ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Мозговой В.И., Вергазова Л.Г.

Донецкий национальный технический университет, г. Донецк, Украина

Рубеж тысячелетий на всем постсоветском пространстве ознаменовался не только политическими потрясениями, связанными с изменением политической карты Европы, но и с ломкой стереотипного мышления, преодолевшего барьеры плановости, административного нажима и шагнувшего, казалось, в безграничные просторы свободы, гласности, демократии и гуманизма. Об этом в 90-е гг. XX ст. мечтали и говорили практически все: филологи и математики, ученые и обыватели, политики и предприниматели, государственные мужи и партийные деятели. Естественно поэтому, что в концепции образования новая волна обозначилась ярко выраженной тенденцией ко всеобщей гуманизации и гуманитаризации, которая тем не менее была воспринята и реализована довольно экзотически: общество постепенно забыло о необходимости механиков, инженеров, физиков с гуманитарным мышлением и стало массово «производить» специально подготовленных для этого филологов, психологов, социологов, экономистов, юристов, топ-менеджеров и политологов. Сегодня эта странная концепция, понятая как формальное увеличение соответствующего «штата», обернулась прямо противоположным для общества результатом: количество специалистов в этой области возросло до перенасыщения, а гуманитариев среди них практически не оказалось. Массовость и случайность выбора людских ресурсов для такого вида деятельности уменьшило требования к их подготовке и свернуло ее глубину до уровня ремесла. Специалисты с гуманитарными дипломами приобрели в лучшем случае навыки маркетологов-политиков, думающих о собственной прибыли и благополучии акционерного общества или политической партии, а в худшем – мышление «бизнес-авторитетов», разрабатывающих очередную аферу и пути воздействия на общественные процессы для получения сверхприбыли.

Новое поколение «специалистов-гуманитариев» родило и оригинальный подход к настоящей и будущей «гуманитарной» подготовке. Подменив естественную природу Слова (высказывания) и текста (творчества) как основу социально-языковой жизнедеятельности на антилог (реплику-разборку) и вырванное из контекста цитирование, оно стало заботиться исключительно о волюнтаривной функции искусственного языка, сконструированного для воздействия на сознание и поступки зомбированного общества. Язык рекламы, способный навевать «человечеству

сон золотой», стал идеалом их «гуманитарной» подготовки, а ее основой – иллюзии компонентов языковой деятельности и иллюзативность всего социально-языкового пространства.

Для иллюзативного общества филолог от Бога стал бесполезным анахронизмом. Сегодня о филологии большинство вспоминает в двух случаях: когда возникает необходимость перевести текст для сугубо прагматических результатов и когда нужно решить задачу по изготовлению рекламно-агитационной или публицистической продукции. В этом уродливом смысле сегодняшнее постсоветское пространство пошло «гораздо дальше» западных коллег, у которых пока еще «...думают о филологии либо как о медленном чтении (специалисты по литературе), либо как об историко-грамматической критике и критике текста (те, кто называет себя филологами)» [3: 2]. Впрочем и в первом, и во втором случае речь идет о явных трансформациях общественного сознания и действительности. Филологи «до некоторой степени...сами породили этот кризис и позволили сохраниться такому потрясающему невежеству благодаря нашему отказу привести сильные аргументы в поддержку нашей дисциплины» [3: 3].

Так, может быть, нам сдаться и уступить «требованиям времени», занявшись «всеобщей украинизацией» или «борьбой» за статус русского, крымскотатарского, греческого либо какого-то другого языка, а лучше, – обслуживать механизм дальнейшей обработки общественного сознания, что создаст очередную иллюзию нашей полезности и обеспеченности? Может быть, потому что многие сегодня так и поступают, превознося исключительную гениальность родного языка и забывая о контактном языковом пространстве, где сосуществуют более 130-ти национальностей с разными языковыми традициями, психологией и культурой (речь идет об Украине). Однако в таком случае филологи наступят на горло собственной песни, которая вот-вот закончится.

Личность «несдавшегосся» филолога и его внутреннее чутье подсказывает, что настало время активной работы и внутренней борьбы за превращение филологии в образ жизни (а не только в элитарную «мягкую» науку, а тем более в ремесло). В расширяющейся парадигме иллюзативности языкового пространства должно думать не о судьбе филологии или конкретного языка, а «...о выживании самой способности людей читать свое прошлое и даже настоящее, сохраняя таким образом меру своей человечности». Вот почему, как далее отмечает Шелдон Поллок, «...в наши дни... ложь и истина текстов должны оставаться главным объектом любой филологии будущего» [3: 4]. Согласившись с частным выводом американского ученого о предназначении филолога и филологии, считаем необходимым расширить его до методологического уровня предотвращения захвата всей социальной действительности навязанными извне языковыми иллюзиями, изменяющими природу языка, человека и мира человеческих взаимоотношений.

В связи с этой сверхзадачей позволим себе уточнить некоторые принципиальные постулаты, на которых может формироваться личность

филолога, методология его мышления и «филологическая» жизнедеятельность.

1. Язык нельзя оценивать извне как механическую функцию с позиции отстраненного наблюдателя, констатирующего его положительные или отрицательные стороны с точки зрения воздействия на общество. Любой язык «богат, велик и могуч», если он удовлетворяет потребности конкретного общества в его конкретных социальных условиях жизнотворчества. Он существует только в условиях коллективной деятельности и диалога, нацеленного на позитивное освоение действительности (так должно быть!) и на передачу знаний будущим поколениям. Именно поэтому язык – не застывшая категория, он развивается по объективным законам, не зависящим от воли и пожеланий отдельной личности, президентов или их партий. Вот почему социальной нормой функционирования языка и речевой деятельности в конкретном общественном пространстве является их развитие без субъективного давления, иначе языковое «строительство», основанное на принудительном мотиве внедрения «развитой» системы, разрушит как национальную культуру языка-реципиента, так и культуру языка-донора.

2. В методике презентации (изучения) языка и использования механизмов его функционирования следует опираться на их конкретно-временное состояние в конкретном обществе, учитывая, но не идеализируя политический опыт национально-языкового строительства в иных социальных парадигмах. Так, номинативная и профессиональная функции являются отличительной чертой современного языка, который с их помощью может материализовать предметы и явления окружающего мира. Между тем дилетантское жонглирование терминами порождает иллюзию действительности и приводит к краху любую идею при попытке ее реализовать.

Такая ситуация сложилась, например, в Украине, где понятие «языки национальных меньшинств» размыто и статуйровано на основе иллюзий, как, впрочем, и понятия «национальный», «государственный», «региональный» или «официальный языки» [2]. Сегодня ни официальные документы, ни практика «борьбы» государственных, партийных и общественных организаций «за языковые права большинства и меньшинства» не выдерживают критики, ибо катализируют внутренние и межгосударственные конфликты.

Например, термин «языки национальных меньшинств», вполне безобидный для европейского сознания, за которым кроется лишь количественная парадигма определенного народа в многонациональном государстве, является оскорбительным для всего постсоветского пространства и предполагает существование так называемой «титупьной нации». Вот почему он нуждается в его замене на понятие «языки национальностей».

Только в этом случае станет ясным, что они являются языками компактного проживания граждан определенной национальности на

ограниченной территории их расселения, к которым не может быть отнесен русский язык, как это определено в 10 ст. Конституции [1]. Русский язык, с другой стороны, не может быть квалифицирован и как региональный, несмотря на закрепленный Постановлением Верховной Рады Украины соответствующий статус, ведь региональный язык понимает только население определенной территории (как правило пограничной) независимо от его национальной принадлежности (например, польский язык в Галичине), а сферой распространения (понимания) русского языка является вся Украина и разные национальности.

Именно поэтому надуманное ограничение русскоязычного влияния до уровня неопределенного региона или неопределенной национальной общины несет в себе опасность для существования прежде всего национального украинского языка как средства общности нации, проявляющей свою самобытность в разных языковых системах (государственных языках, языках национальностей, диалектах, жаргонах) и формах культурно-языкового освоения действительности (живописи, музыке, архитектуре и т.п.).

И вот почему выпячивание и закрепление Конституцией прав одного государственного языка (украинского) противоречит объективной реальности и приводит к игнорированию Основного закона, ведь на самом деле все украинские граждане понимают два языка, а большинство из них думает и говорит на украинском и русском.

Более того, опасным становится внедрение в украинский национально-политический контекст самого понятия «региональный язык» (он, как правило, находится за пределами национального), права и статус которого будут в этом случае определяться, как показывает практика национально-языкового строительства, местными чиновниками, исходя из собственных пристрастий и убеждений. В итоге в школах разных регионов (а возможно, даже районов или поселков) будут обучаться на местном языке или наречии, а внешнее независимое тестирование производится с учетом прав носителя любого регионального языка (непозволительная роскошь при объективном функционировании двух государственных языков). При этом всеобщее непонимание формы и сути национального общения достигнет размеров катастрофы.

3. Главной особенностью современного языка в отличие от его первичных коммуникативных функций, возникших в ситуации непосредственного общения малочисленных людских коллективов (стадо, племя, род), является его переход в национальную парадигму, способную сплотить общество в нацию на основе письменного текста, литературного языка и художественной действительности. Вот почему для адекватной языковой политики важно не то, на каком языке кто говорит, и не форма общения, а способ мышления и мировосприятия, способный создать, поддерживать и укреплять определенную национально-культурную общность.

4. Важнейшим условием существования нации является сохранение социальных норм функционирования национального языка, у которого чем

больше форм и способов передачи национального сознания, тем он богаче и тем больше у него возможностей для формирования общенационального единства, а высшей его функцией становится *эстетическо-культурологическая*, потому что на современном этапе язык превращается из средства общения в способ структуризации общества, средство формирования эстетических и культурных идеалов нации.

В условиях полного или частичного игнорирования этой функции нация постепенно разрушается, переходя в безнациональную или иную национальную парадигму (вспомните «интернациональную» политику Советского Союза или копирование нехарактерных для большинства проживающих на постсоветском пространстве идеалов западной демократии). Принудительное ограничение устной и письменной речи до размеров полуконфликтной реплики и вырванной из контекста цитаты, а многообразных форм проявления межнационального общения в рамках многонационального государства до норм и идеалов «титული нации» и одного стиля (как правило, публицистического с его нацеленностью на внушение, риторику и императив) приводит к постепенной утрате рычагов управления. Некомпетентное отношение к национально-языковой политике на основе иллюзий порождает социальные мифы, по которым вынуждено жить общество (см. [2]).

Литература

1. Конституція України. Прийнята на п'ятій сесії Верховної Ради України 28 червня 1996. – К. : Преса України, 1997. – 79 с.
2. Мозговой В.И. Украинские мифы языковой политики / В.И. Мозговой // Информационный Вестник Форума русистов Украины. Вып. 14. – Симферополь : Крымский центр гуманитарных исследований, 2011. – С. 97-104.
3. Поллок Ш. Филология будущего? Судьба мягкой науки в жестком мире [Электронный ресурс] / Шелдон Поллок // Новое литературное обозрение. – 2011. – №110. – Режим доступа : <http://www.nlobooks.ru/node/1082>.